

Именно на этот “позитивный” костяк “жизненного мира” и направляет свои основные усилия сфера автономных социальных систем (например, политическая сфера). Путем воздействия разного рода принуждений она заставляет “позитивные” элементы и связи “жизненного мира” констеллироваться относительно навязанных ему извне “колонизаторских конструкторов”.

Если в “жизненном мире” есть экзистенциальные потребности, то “система” настойчиво предлагает ряд “функциональных” для нее способов удовлетворения этих потребностей. Таким образом, целерациональные установки “системы”, доходя до “жизненного мира”, неизбежно превращаются в ценностнорациональные, окрашенные эмоционально.

Колонизирующая “позитивность” “жизненного мира” утрачивает свою непосредственность; в то же время сам “жизненный мир” из-за такого колонизирующего воздействия непрерывно объединяется в эмоциональном отношении.

Итак, “жизненный мир”, по сути является слепком описанного выше Двухмерного мира; “система” исчерпывающим образом в нем представлена в виде психологических эквивалентов своих “колонизаторских конструкторов”

Эффективное до тех пор, пока развитие “системных” аспектов общества не сделало видимыми – поставив на грань разрушения и одновременно дискредитировав – структуры “жизненного мира”, это “заклятие” терпит теперь провал, препятствуя разрешению подлинно человеческих вопросов, касающихся положения индивида в обществе и космосе.

Ю.Ш.Стрелец
г. Оренбург

РАЦИОНАЛЬНОЕ – ИРРАЦИОНАЛЬНОЕ – АБСУРД (опыт метафизического исследования)

Опыт постижения мира человеком крайне разнообразен по своим формам, содержанию, и результатам. Он простирается от сенсорного ощупывания вещей до идеалистического проникновения в чистые сущности, в интеллигибельный мир.

В конечном итоге человек пытается понять не столько мир, сколько самого себя в нем, самоопределиться в этом или “ином” мире.

Какими бы четкими признаками ни наделяться мир иной, каким бы огромным влиянием он ни обладал, этот мир выступает в качестве отправной точки размышления, задает параметры исследования любых иррациональных сущностей и феноменов. Таким образом, рациональность является не только взаимодополнительной по отношению к иррациональности, но и выступает в качестве основного – смыслового ядра их взаимодействия.

“Чистые онтологи считают наличие рефлексии не обязательным (главное, что это есть, пусть мы и не подразумеваем о том). Однако к такой позиции они приходят тоже путем рациональных размышлений. К тому же, мысль создает свои вихревые токи в бытии, несомненно влияя на него и на иррациональное в нем.

Онтологическим выражением рационального в бытии является порядок, гносеологическим – человеческая (формальная, диалектическая, "нелогическая" и еще какая угодно) логика. Метафизическим основанием порядка и логики бытия выступает, очевидно, его смысл. Именно на этом уровне может быть произведено относительное разграничение рационального и иррационального.

Можно возразить, что иррациональное имеет и свой собственный смысл. Да, если смысл в достаточной мере обуславливается порядком и логикой, говоря по-немецки, "в-себе". Однако смысл, надо полагать, это всегда порядок и логика "в-себе и для-нас". Иметь смысл означает быть с мыслью, сопровождаться ею, быть подвергнутым воздействию мысли. Практически во всех языках "осмысливать", "Смыслить" означает не что иное, как "понимать".

Рациональное – то, что имеет или может иметь не только свой, но и наш ("мой") смысл; рациональное непрерывно рождается из иррационального и бытийно, и гносеологически, как порядок из хаоса.

Выстраиваются такие схематические цепочки:

Порядок	–	логика	–	смысл	–	рациональное
(свой		(своя		(свой		
и наш)		и наша)		и наш)		
Порядок (?)	–	логика (?)	–	смысл (?)	–	иррациональное
(свой)		(своя)		(свой)		

Иррациональное не размысливается/ здесь проходят границы "чистого" человеческого разума, однако практически являет себя в любом поступке, жесте, слове человека, в любом событии, узнается "по плодам его", которые могут быть рационально осмыслены.

Видимое, особенно в кризисные периоды, "пожирание" рационального иррациональным, явный перевес последнего рождает у людей чувство абсурда.

Чувство абсурда становится индивидуально-общественный индикатором неравновесного положения осмысленного и неосмысленного, принимаемого и отвергаемого в принципе. Абсурд как феномен и, тем более, его ноументальный план исследованы явно недостаточно. Нельзя сказать, что почва для философии абсурда абсолютно не подготовлена. Достаточно обратиться к интересным мыслительным экспериментам российских философов 20–30 гг. Я. Друскина и Л. Липавского. Алогизм человеческого бытия абсурдисты углубили до его конкретных модусов. Вот, например, одно из понятий, часто встречающееся в работах Я. Друскина: "некоторое равновесие с небольшой погрешностью". Оно берется в метафизическом контексте, то есть прилагается ко Вселенной как целому.

Речь при этом идет не только о материи, но и об этике такого же масштаба: совершенство непостижимо без некоторого несовершенства. Более того, признак самой жизни – "небольшая ошибка, небольшая погрешность в равновесии". Другим понятием является "совершенный подарок" – предмет без связей. Сама жизнь может быть проинтерпретирована как "совершенный подарок" Бога человеку; она всегда "здесь", и "сейчас", лишена смысла и потому вечна.

А. Камю подчеркивает кардинальную противоположность чувства аб-

сурда человеческой надежде, ибо всякая надежда истекает из иллюзии способности понять мир и себя в нем. Корень чувства абсурда – в раздоре разума, стремящегося к последней ясности, со стенами иррациональности. Бытийно-гносеологический максимализм подталкивает к метафизическому бунту, к осмысленному самоубийству.

Человеческому разуму предстоит вечное "распятие" между абсурдом на горизонтальной перекладине. Но существует еще вертикаль: трансцендентное – имманентное. Перевод первого во второе, имманентное обнаружение в себе трансцендентных силовых линий Бытия можно трактовать как мудрость, а метафизическое осмысление этого процесса (акта) как основу культуры человеческого разума.

Вечное усилие к осмыслению фундаментально-онтологической вертикали бытия, стратегическая ориентация на трансцендентные планы и долг, в кантовском смысле, есть освоение техники Бытия. Совмещение ее с техникой Быта, имманентное принятие парадигмы счастья потенциально завершает осмысление жизни в парадигме чистой совести.

Если долг ориентирует на иное, а счастье – на твое, то совесть чистая ориентирует нас на иное как свое.

Осмысление жизни как совмещение техники быта и техники Бытия, феноменальным обнаружением чего и является совесть, создает надежный метафизический пояс защиты человека от циничной, порой, ясности рациональности и inferнальных ударов иррационального.

А.А.Федоровских
г. Екатеринбург

СОВРЕМЕННЫЙ ОККУЛЬТИЗМ: ПРОФАНИЗАЦИЯ САКРАЛЬНОГО

Тема сакрального является традиционной для философии. Вместе с тем на различных этапах существования философии этой теме уделялось разное место. Если философия Пифагора еще может рассматриваться как сакральная, то в философии Аристотеля сакральное уходит на задний план. Средневековая философия рассматривала весь мир как текст и в тексте искала именно сакральное. Новое время с его идеалом рациональности пытается вытеснить сакральное из сферы разума. Современность вообще убирает сакральное из сферы философского рассмотрения. Ему преимущественно находится место в сфере оккультизма и эзотерических учений. Современная массовая культура напрямую связана с профанизированным сознанием. Философия постмодерна также выводит изучение проблемы сакрального, священного из своей сферы. Сакральное означает либо священное, либо скрытое (например, сфера бессознательного, вытесненного, низкого). Эту сферу рационализировал Зигмунд Фрейд и она тоже стала профанной. Итак в современных условиях сакральное окончательно связывается со сферой оккультного. Можно ли считать оккультизм явлением сакральным?

Оккультизм на определенных этапах истории развития человечества (как правило кризисных) становится необычайно популярен. Оккультизм как псевдорелигиозное, иррациональное и культурное явление существует с XVI века. А некоторые его виды, такие как астрология,